

По Элладѣ.

(Изъ лекции, читавшаго 15 ноября 1913 года въ Педагогическомъ Отдѣлѣ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества).

Въ XIX вѣкѣ изученіе греческой старины вступило въ новую эру. Археологія открыла неведомыя горизонты для исследователей. Знаменитый Шлиманъ, съ дѣтства мечтавшій отыскать легендарную Трою, раскопывая Гиссарлыкъ, нашелъ девять городовъ, лежавшихъ одинъ подъ другимъ. Совершенно неожиданно были открыты невідомая доселѣ догреческая культура гомерической Трои. Затѣмъ раскопки Микенъ, Тиринса и Крита открыли другую, также догреческую культуру — критомикенскую. Кромѣ того, были раскопаны Елевсинъ, Дельфы, Олимпія, и мы стали ближе къ изученію античной жизни. Вотъ почему теперь, для детальнаго, живого знакомства съ нею необходимо на мѣстахъ изучать памятники старины.

Уже много лѣтъ я хотѣлъ увидѣть Элладу. Въ апрѣлѣ 1913 года мнѣ посчастливилось привести въ исполненіе задуманное путешествіе и этотъ путевой очеркъ является его результатомъ. Въ то время на близлежащемъ Востокѣ была союзническая война. Греція, Сербія, Болгарія и Черногорія уже успѣли въ нѣсколько разѣ битвъ одолѣть турокъ, взять Адрианополь. Но, признаться, какъ ни неудаченъ былъ моментъ для путешествія, тѣмъ болѣе интересными и захватывающими были нѣкоторые моменты этой войны.

Въ первыхъ числахъ апрѣля я выѣхалъ изъ Харькова въ Одессу. Несмотря на предостереженія пароходства, что «въ силу войны мажи воюющихъ державъ потоплены, а порты и проливы минированы, что Русское О-во снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность... и т. д.», — я все-таки рѣшилъ ѣхать.

13 апрѣля, послѣ двухдневнаго плаванія въ открытомъ морѣ, мы увидѣли малоазійскій берегъ.

Долго пароходъ шелъ по Босфору. По обоимъ берегамъ пролива расположены дачи со сказочными, нависающими надъ водой домами, окруженныя виноградниками. Наконецъ, вдали показался Константинополь.

Цѣлый лѣсъ крышъ, изъ которыхъ то тамъ, то здѣсь высятся стройный минаретъ. Я уже различалъ желтоватый массивъ св. Софіи.

Пароходъ до темноты успѣлъ войти въ гавань и пристать къ набережной Галатѣ.

Узкія, кривыя улицы. Высокіе дома съ закрытыми окнами гаремовъ. Среди нихъ, въ какомъ-нибудь закоулкѣ, пріютилось десятка два могилъ, или мечеть съ высокимъ минаретомъ. Всюду разношерстная толпа; преобладаютъ красныя фески и незнакомый гортанный разговоръ. Всюду грязь, запахъ баранины и оливковаго масла. Это — Константинополь. Правда, это относится не ко всѣмъ частямъ города — и европейскія части — Галатѣ, Пѣра сплошь и рядомъ застроены прекрасными палаццо, — но и здѣсь узкія, кривыя, нерѣдко ступенчатыя улицы. — По главнымъ улицамъ проведенъ конный трамвай, при мнѣ бездѣйствовавшій: всѣ лошади были взяты въ артиллерию. — Стамбуль, отдѣленный отъ другихъ частей города водами Золотого Рога, соединенъ двумя мостами. Здѣсь помѣщаются всѣ министерства, живетъ великій визирь, находятся почти всѣ мечети и Оттоманскій музей.

Перейдя мостъ, вы окунаетесь въ узкую, похожую на коридоръ, улицу. Нѣсколько поворотовъ и передъ вами ипподромъ; — т. е. площадь, занимающая мѣсто византійскаго ипподрома. Вблизи его находится знаменитая Константинопольская мечеть св. Софіи. Снаружи это массивная, сплошная масса надстроекъ и стѣнъ, увѣнчанныхъ однимъ колоссальнымъ куполомъ. Четыре минарета окружаютъ зданіе. Св. Софія, построенная въ VI вѣкѣ при императорѣ Юстиніанѣ, была свидѣтельницей всей византійской исторіи. Съ 1453 года она превращена въ мечеть.

Входите внутрь. Васъ охватываютъ тишина и полумракъ. Черезъ нарѣзку входите въ колоссальнѣйшій залъ, раздѣленный на три

корабля. Надъ среднимъ гигантскій куполъ. Нога, лишенная обуви, мягко ступаетъ по толстымъ коврамъ. Храмъ теперь лишень живописи. Знаменитыя византійскія мозаики замазаны. Только иногда виднѣются изъ-подъ штукатурки характерный византійскій крестъ или надпись. Въмѣсто иконъ развѣшаны голубые щиты со священными изреченіями пророка.

Выйдя изъ св. Софіи, зайдемъ въ знаменитую сокровищницу искусства, въ Оттоманскій музей. Здѣсь хранятся саркофаги Сидонскаго некрополя, въ томъ числѣ прекрасно сохранившійся «Саркофагъ Александра Великаго», на которомъ еще свѣжа древняя раскраска. Въ музеѣ много финикійскихъ Астартъ, а въ одномъ залѣ до потолка простерся каменный Вааль, разрывающій жертву. Много греческихъ саркофаговъ съ шествіемъ Діониса, каменныхъ Деметръ и Аполлоновъ; много застывшихъ архаическихъ улыбокъ, обломковъ кампей, съ изображеніемъ невиданнаго ужаса и отчаянія, какъ напр. изображеніе распятаго Марсіа, — подчасъ тонко и нѣжно изваянныхъ, а подчасъ грубо и едва замѣтно, что говоритъ о глубокой древности памятника. Осмотрѣвъ музей, я долго еще бродилъ по узкимъ извилистымъ улицамъ.

Но вскорѣ я долженъ былъ уѣхать изъ этого очаровательнаго уголка Востока. Съ грустью я видѣлъ, какъ уплываетъ берегъ, какъ турецкій пилотъ выводитъ нашъ большой, неуклюжій пароходъ изъ лабиринта судовъ, броненосцевъ и катеровъ. Наконецъ, мы далеко отъ берега; прямо передъ нами чистый горизонтъ Пропонтиды. Направо и налево раскинулась столица Востока. Путь лежитъ въ Дарданеллы, мимо Чатаджи и другихъ мѣстностей, уже занятыхъ союзниками. Меня поразило, прежде всего, цвѣтъ воды Мраморнаго моря, гораздо болѣе нѣжный и лазурный, чѣмъ Чернаго. Тихо и плавно шелъ пароходъ, слегка только вздрагивая отъ ударовъ винта. Завтра утромъ мы должны проѣзжать Дарданеллы.

Едва заснѣло, — я проснулся. Вышелъ на палубу. Вокругъ холмистые берега. На нихъ турецкія укрѣпленія съ грандіозными пушками. Мы плывемъ мимо турецкой эскадры; четыре броненосца, миноноски и много угольныхъ транспортовъ стоятъ подъ парами. Черезъ этотъ проливъ, узкій, извилистый, нѣкогда переправлялись

Дарій, Ксерксъ. Его же послѣдній велѣлъ бичевать за бурю, разметавшую построенный мостъ.

Вдали — дома Чанакъ-Калесси (турецкое названіе Дарданеллы).

Около 7 часовъ утра, предводимые турецкимъ пилотомъ, мы оставляемъ Дарданеллы. — Вышли изъ пролива; въ утреннемъ туманѣ направо вырисовываются горы Имброса и Самооракіи, родины таинственного культа Матери боговъ, культа Кабировъ. На лѣвомъ берегу находится Иліонъ, священный городъ Пріама.

На горизонтѣ, южнѣе Имброса виднѣется силуэтъ Лемноса — и вскорѣ мимо насъ проплылъ небольшой, цвѣтушій Тенедось. Возлѣ него мы замѣтили дымки греческаго броненосца «Аверовъ» и миноносцевъ, стерегущихъ турецкую эскадру. Наконецъ, спустя 8 час. по выходѣ изъ Дарданеллы, показался изящный, цвѣтушій Лесбось.

Растянувшись въ длину, весь островъ представляетъ сплошную горную цѣпь, плѣняа вѣжными силуэтами.

На солнцѣ блестѣли крыши города Митилень. Здѣсь родилась эоійская лирика; здѣсь жила знаменитая поэтесса Сапфо, десятая муза; ее, гласить пѣсня, Аполлонъ принялъ въ свой хороводъ. Вмѣстѣ съ Сапфо и Алкей пѣлъ здѣсь свои гимны вину и любви.

Но и островъ остался уже позади; и долго звенѣлъ въ ушахъ сапфическій гимнъ Афродитѣ:

О богиня, съ трона цвѣтовъ внемли мнѣ,
Зевса дочь, рожденная пѣной моря!
Ты не дай позорно погибнуть въ мукахъ
Сапфо несчастной!...

Но уже показалась Смирна... Пароходъ поворачиваетъ налѣво и часа черезъ два мы у пристани.

Осмотръ Смирны я рѣшилъ произвести на обратномъ пути; это вышло весьма удачно, такъ какъ, задержанный русскимъ консуломъ, нашъ пароходъ простоялъ здѣсь четыре дня. Вечеромъ мы снялись и, оставивъ вправо Хіосъ, держали путь на Пирей. Завтра утромъ я долженъ увидѣть Аѳины!

Море было бурно и была легкая качка.

Афины ¹⁾.

Было яркое солнечное утро. Нашъ пароходъ медленно входилъ въ гавань Пирея. Я разглядывалъ раскинувшійся на берегу небольшой городокъ. Это — Пирей, основанный Θемистокломъ, гавань столицы Аттики. Но съ высокой палубы виденъ не только онъ: вдали, на фонѣ желтоватыхъ горъ, вы узнаете хорошо знакомый по фотографіямъ афинскій акрополь. Пароходъ остановился. Послѣ первой неизбежной суеты и суматохи вы нанимаете лодочника и съ особымъ чувствомъ переѣзжаете на берегъ Эллады. Съ какимъ-то непонятнымъ, страннымъ ощущеніемъ вы ѣдете по чистымъ улицамъ новаго незнакомаго городка, знавшаго славное прошлое. Всюду вывѣски на чужомъ языкѣ, непонятный странный разговоръ. Чистый и изящный. Пирей насчитываетъ 60000 жителей. Современный городъ отстроился недавно: еще въ 1835 году на этомъ мѣстѣ было нѣсколько рыбацкихъ хижинъ, носившихъ названіе «Porto Leone» — по мраморнымъ лвамъ, находящимся нынѣ въ Венеціи.

Электрическая дорога, соединяющая Пирей съ Афинами, доставляетъ васъ черезъ 18 минутъ въ центръ Аттики. Сначала поѣздъ мчится по желтоватой пустынѣ. Поворотъ — и впереди во всей красѣ афинскій акрополь. Затѣмъ поѣздъ ныряетъ въ тоннель — и черезъ мигъ вы находитесь въ центрѣ города на πλατεῖα τῆς Ὁμονοίας — Площади Согласія. Вокругъ пальмы, асфальтовые ровныя улицы и ослѣпительно-бѣлые дома. Все залито южнымъ солнцемъ. Вы оглушены, послѣ тихаго морского путешествія, немолчнымъ звономъ трамваевъ, криками уличныхъ гаменовъ, предлагающихъ національныя флажки и газеты. Однако, надо подумать и о пристанищѣ. Пользуясь совѣтомъ спутника-грека, я остановился въ отелѣ Alexandre le Grand Ξενοδοχεῖον μέγας Ἀλέξανδρος, гдѣ за три драхмы (около 1 р. 20 к.) получилъ прекрасную комнату.

Иностранца поражаетъ эта кипучая жизнь афинскихъ улицъ, сплошь заставленныхъ столиками. Вы устали — садитесь за любой и за 10 лептъ (около 4 копеекъ) получаете чашку прянаго турецкаго

¹⁾ *Struck*. Griechenland Band I: Attika. Wien-Leipzig. 1911. *Ch. Diehl*. Excursions archéol. en Grèce Paris. 1911. *A. Beaunier*. Le sourire d'Athènes. Paris. 1911. *Bädekers*. Griechenland. Leipzig. 1908.

кофе или рахатъ-лукумъ. Въ Аѣинахъ съ пригородами 145000 жителей. Это, какъ видите, небольшой, но чистый и изящный городъ. Между двумя главными площадями—Согласія и Конституціи находится центръ города. Университетскій проспектъ (Λεωφόρος τοῦ Πανεπιστημίου) и улица Стадіона (Ὁδὸς Σταδίου) являются главными улицами, на которыхъ расположены почти всѣ общественныя зданія, магазины и пассажи. Здѣсь же, рядомъ, возлѣ королевскаго дворца, находится прекрасный паркъ, краса и гордость современныхъ Аѣинъ.

И надъ всѣмъ этимъ плѣнительнымъ, европейскимъ городомъ возвышается огромная сѣрая скала, обнесенная неприступной стѣной. На скалѣ, вверху, вы узнаете и Парѣенонъ и Эрехіонъ и Пропилеи; это—акрополь, святая святыхъ древнихъ Аѣинъ, грандіозный алтарь богинѣ—покровительницѣ города. Какъ отзвукъ прошлыхъ столѣтій, какъ призракъ, онъ царитъ надъ городомъ и производитъ съ перваго же взгляда колоссальное, неизгладимое впечатлѣніе.

Надъ Аѣинами безсильны вѣка. Въ незапамятныя доисторическія времена здѣсь возникло поселеніе—и съ тѣхъ поръ каждая эпоха клала свой отпечатокъ. Здѣсь археологи нашли слѣды гоме-рической и критомикенской культуры. Затѣмъ греки, римляне, византійцы, западные рыцари и турки—всѣ поочередно здѣсь жили и оставили слѣды своей жизни.

Всякій прїѣзжающій въ Аѣины стремится, прежде всего, взойти на акрополь—и не удивительно: слишкомъ эффектно и, сказалъ бы, трагично положеніе этого удивительнаго памятника древней жизни. Акрополь представляетъ собой сѣрую каменную глыбу, отесанную вверху въ видѣ площади, а съ боковъ отвѣсно—чтобы сдѣлать стѣны неприступными. Кромѣ того, вся скала со всѣхъ сторонъ обнесена прочной каменной стѣной. Черезъ лабиринтъ кривыхъ и узкихъ улицъ, мимо портика Аттала, «Башни вѣтровъ» и друг. памятниковъ, подходимъ къ акрополю съ западной стороны. Черезъ ворота Beulé посѣтитель попадаетъ—по мраморной лѣстницѣ въ Великія Пропилеи—торжественный входъ въ священный участокъ кремля. Мраморныя колонны обступаютъ васъ въ нѣсколько рядовъ. Еще нѣсколько ступеней—и вы въ оградѣ Аѣины—Полиады. Передъ вами находятся два храма. Направо—Парѣенонъ, и налѣво—Эрехіонъ. Парѣенонъ, святилище дѣвы Аѣины отличается отъ всѣхъ

храмовъ акрополя своими внушительными размѣрами и своимъ положеніемъ. Много восклицаній было по поводу этого знаменитаго храма. Не повторяя ихъ, надо признать, что Парѳенонъ — единственное въ своемъ родѣ, unicum. Онъ подавляетъ васъ своей грандіозностью, строгостью и силой дорического стиля.

Этотъ храмъ воздвигнутъ въ блестящую эпоху Перикла, эпоху вдохновеннаго патріотизма и почитанія боговъ, спасшихъ родину отъ персовъ. И двѣ съ половиной тысячи лѣтъ стоитъ Парѳенонъ, не утративъ своей красоты и величія. Его обезображивали пристройками и надстройками, превращая то въ храмъ, то въ церковь, то въ мечеть, и, наконецъ, въ пороховой складъ, пока въ XVII вѣкѣ не сокрушила его венеціанская бомба. Но онъ и теперь еще стоитъ цѣлымъ наполовину, и его развалины все еще гласятъ о славіи Перикла. Налѣво отъ Парѳенона (отъ входа) находится изящный іоническій храмъ богини Аѳины — Полиады — такъ называемый Эрехіонъ.

Здѣсь, гласитъ преданіе, Аѳина состязалась съ Посейдономъ о владычествѣ надъ этимъ городомъ. И Посейдонъ, подаривъ коня, затѣмъ ударилъ трезубцемъ о скалу и даровалъ Аѳинамъ врядъ ли кому полезный соленый источникъ (находившійся здѣсь). Аѳина же взростила оливку и благодарный городъ превознесъ свою благодѣтельница. (Возлѣ Эрехіона росла священная маслина). Между прочимъ, этотъ сюжетъ былъ представленъ на западномъ фронтонѣ Парѳенона.

Въ углу акрополя, въ восточной его части находится музей. Въ теченіе 19-го вѣка въ кремлѣ производились раскопки и найденное для насъ безцѣнно. Прежде всего, въ 1882 году въ юго-западной части акрополя былъ найденъ цѣлый рядъ фигуръ. Черезъ 3 года раскопки сѣверной стѣны дали неожиданные результаты. Было найдено въ персидскомъ мусорѣ 14 женскихъ фигуръ въ позахъ просительницъ — коры.

Найденные памятники стоятъ упоминанія, потому что они являются памятниками любопытнаго переходнаго періода, когда символическое, связанное традиціями искусство начинаетъ преобразовываться въ чисто патетическое. Стоитъ взглянуть на любую изъ этихъ коръ. Еще одежда безжизненна и схематична, еще вся фигура застыла въ традиціонной позѣ — но лицо, но руки уже живы, уже стремятся дѣйствовать на чувства зрителя!

Выйдя изъ священнаго теменоса черезъ Великія Пропилеи, вы замѣчаете налѣво высокую площадку, на которой стоитъ небольшой іоническій храмъ Безкрылой Ники. Этотъ изящный храмъ тоже представляетъ образецъ нѣжной іоники и построенъ, какъ и прочія святилища акрополя, изъ древняго мрамора. Красиво сочетаніе желтоватаго мрамора съ лазурнымъ эллинскимъ небомъ.

Храмъ Ники реставрированъ трудами нѣмецкихъ археологовъ изъ обломковъ турецкаго бастиона, въ свою очередь, составленнаго изъ фрагментовъ античнаго храма. Онъ представляетъ целлу, обнесенную колоннадой по 4 колонны—съ западной и восточной сторонъ.

Отсюда, говоритъ древній мѣвъ (Pausan. I, XXII, 4--5) старикъ Эгей смотрѣлъ на море, въ тоскѣ ожидая Тезея, храбро уѣхавшаго на Критъ, къ Миносу. Отсюда онъ бросился внизъ, когда увидѣлъ черные паруса сыновняго корабля—символь его гибели. Съ этой площадки открывается «классическій», прекрасный видъ на юго-западъ Средней Греціи. Подъ вами—Аѣины, окруженныя цѣпью горъ. Дальше—море и горы Пелопонниса. Это какъ бы сцена для созерцанія «классическихъ закатовъ».

Выйдя изъ воротъ Beulé отдадимся легкой тропинкѣ, вьющейся подъ южной стѣной акрополя. Сначала направо, какъ пропасть, пустуетъ полукруглый амфитеатръ Одеона, построеннаго Геродомъ Аттическимъ. Сохранились мѣста для зрителей, сцена и фасадъ, зіяющій огромными пустыми окнами. Они всѣ поддымились—видно страшный пожаръ уничтожилъ театръ. Далѣе тропинка приводитъ въ храмъ Асклеіа. Здѣсь не осталось камня на камнѣ. Въ разрушенныхъ портикахъ собраны обломки статуй—и лежатъ они здѣсь, какъ мертвецы. Возлѣ колоннъ въ скалѣ акрополя прорубленный входъ. Полутемная пещера... Васъ охватываетъ темнота и прохлада послѣ ослѣпительнаго блеска и зноя эллинскаго весенняго дня. Въ углу икона Христа, лампадка, а въ полу—бассейнъ съ холодной водой. Здѣсь же—кружка для питья и нѣсколько свѣчей. Тишину нарушаетъ журчанье набѣгающей воды. Какъ далеку отъ этихъ мѣстъ христіанскій Богъ!

Черезъ нѣсколько минутъ тропинка приводитъ въ священнѣйшій теменосъ Іакха—въ театръ Діониса, гдѣ знаменитые трагики ста-

вили свои пьесы. Вы изумляетесь: такой маленькій театр... Неужели это «тотъ самый»? Полукруглая орхестра... Еще видно мѣсто для жертвенника, еще улыбается мраморный Панъ, оббитый, обезображенный. Здѣсь же, рядомъ—старикъ-силенъ поддерживаетъ карнизъ проскенія... Еще уцѣлѣли и мѣста для зрителей и вы даже можете прочесть на почетныхъ креслахъ, кому они принадлежали... Почти на каждомъ сохранилась надпись «жреца такого-то божества». Срединное мѣсто занимаетъ кресло жреца бога Діониса - Освободителя.

Необычайное впечатлѣніе получается отъ этого театра: впечатлѣніе уюта—и вмѣстѣ покинутости, современности—и все-таки въ каждомъ камнѣ чувствуется полетъ столѣтій.

Данный видъ театръ пріобрѣлъ со II вѣка по Р. Хр.—Императоръ Адріанъ заново отдѣлалъ сцену и мѣста для сидѣнія.

Отъ акрополя пойдете къ «Колоннамъ»—къ жалкимъ остаткамъ грандіознѣйшаго храма Зевса Олимпійца, достроеннаго тѣмъ же Адріаномъ. Это былъ третій по величинѣ храмъ, послѣ Эфеса и Селинунта. 15 колоннъ еще сохранились. На этомъ мѣстѣ еще Писистратъ началъ строить храмъ Зевсу, ибо, гласило преданіе, здѣсь впервые Девкаліонъ, этотъ греческій Ной, соорудилъ алтарь отцу боговъ и людей.

Достроенный Адріаномъ храмъ имѣлъ 104 коринѣскихъ колонны семнадцати метровъ высоты и двухъ въ діаметрѣ!

Одиноко стоятъ пятнадцать оставшихся колоннъ и производятъ неизгладимое впечатлѣніе. Я любилъ къ нимъ приходить на закатѣ, когда весь акрополь, какъ силуэтъ, выдѣляется на огненномъ небѣ. (Рис. № 1).

Къ храму Зевса почти непосредственно примыкаетъ городской паркъ. Здѣсь искусной рукою умѣло соединены пальмы, олеандры и мимозы съ акаціями, платанами. Здѣсь же, вблизи, находится высохшее при мнѣ русло знаменитаго Илисса, по берегамъ котораго бродила нѣкогда Аѳина, прислушиваясь къ шелесту тростника. Мнѣ рассказываетъ, какъ богиня срѣзала тростинку и изобрѣла флейту. Полетѣла, радостная, на Олимпъ, сообщила богамъ о флейтѣ. Но при игрѣ щеки надулись; богамъ стало непріятно отъ нарушенной красоты лица. И осмѣянная Аѳина съ проклятіемъ бросила на

землю свою флейту. А дальнѣйшій моментъ закрѣпилъ скульпторъ Миронъ въ своемъ Марсіи, который нашелъ флейту, и хочетъ, и боится ее поднять. За Илиссомъ находится Стадіонъ, возстановленный Аверовымъ на мѣстѣ античнаго. Черезъ пропилеи въ коринфскомъ стилѣ вы попадаете въ помѣщеніе для 50000 человекъ.

Но уже далеко за полдень. На улицахъ — ни души. Аѣины какъ будто вымерли. Южное солнце даетъ себя чувствовать.

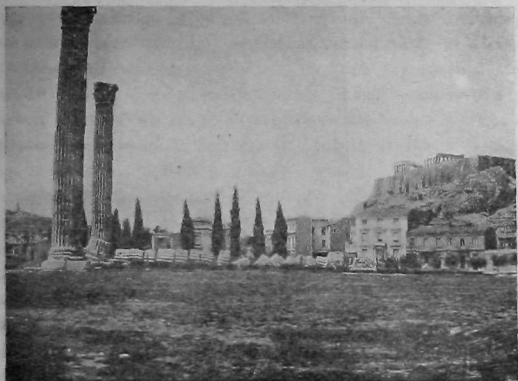

Рис. № 1. Аѣины. Храмъ Зевса.

Какъ я успѣлъ замѣтить за время моего двухнедѣльнаго пребыванія въ Аѣинахъ, уличная жизнь наиболѣе интенсивна утромъ, часовъ до одиннадцати, и затѣмъ къ вечеру, часовъ послѣ пятишести. А днемъ жизнь на улицахъ прекращается.

До сихъ поръ мы съ вами видѣли почти только храмы и святилища;—какъ будто только то, что человекъ посвятилъ богу,—достойно безсмертія. Но въ Аѣинахъ есть одно мѣсто, отъ котораго непосредственнѣе, живѣе дышитъ на насъ античная жизнь. Это — кладбище при Дипилонѣ, въ области древняго Керамика. Оно расположено въ концѣ улицы Пирея, гдѣ отъ нея отдѣляется Священная дорога въ Елевсинъ. Отъ древнихъ городскихъ воротъ Дили-

лона, по обѣ стороны античной дороги находятся могилы. И кажется, что это—современное кладбище, только не видно крестовъ. Еще сохранились надгробныя стелы: изъ эпитафій можно узнать, кто и когда погребенъ... И вы съ изумленіемъ узнаете, что это могилы 5-го, 4-го и 3-яго вѣковъ до нашей эры, — настолько живо и «современно» это кладбище. Здѣсь, подъ открытымъ небомъ стоятъ такія знаменитыя надгробія, какъ стела двухъ сестеръ Деметріи и Памфилы (4 в. до Р. Хр.), стела Гегесо, памятникъ Дексилея, поражающаго на конѣ юношу, памятникъ керкирскихъ пословъ и др. Здѣсь же, на каменномъ пьедесталѣ представленъ быкъ во всемъ бѣшенствѣ молодой силы. Кладбище при Дипилонѣ—это одна изъ интереснѣйшихъ достопримѣчательностей Аѣины. Отъ каждаго надгробія вѣетъ мыслью о разлукѣ со сладкою брэнною жизнью, мыслью о неминуемой Мойрѣ. Возлѣ могилъ произведены раскопки и глубоко подъ землей видны склепы и гроба.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, внѣшній обликъ Аѣины, этого удивительнаго города, гдѣ современность столь причудливо переплетается съ сѣдою древностью, нерѣдко претендующей на жизненность и современность... Прежде чѣмъ разстаться съ Аѣинами, заглянемъ въ *Ἐθνικὸν Μουσεῖον*—Национальный археологическій музей, находящійся въ сѣверной части города на *Ὁδὸς Πατησίων*. Роскошное бѣлое зданіе въ классическомъ стилѣ имѣетъ 24 залы, расположенныхъ вокругъ двухъ внутреннихъ дворовъ. Въ первыхъ залахъ (отъ входа прямо) помѣщены микенскія древности. Здѣсь можно поближе заглянуть въ эту таинственную эпоху. Это было царство сильныхъ титановъ-пеласговъ. Всюду — и на знаменитыхъ кубкахъ изъ Ваффіо, хранящихся здѣсь, — и на лезвіи золотого кинжала, всюду вы видите сцены борьбы: то человѣкъ укрощаетъ свирѣпаго быка, разрывающаго тебета, то смѣло нападаетъ на львовъ, обратившихся въ бѣгство! Взгляните на золотыя маски покойниковъ: сильныя, крупныя до грубости черты, желаніе властвовать и повелѣвать.

Залы вальво отъ входа заняты памятниками уже греческаго искусства. Сначала васъ обступаютъ архаическіе Аполлоны (похожіе на мюнхенскаго Аполлона Тенейскаго), ярко рисующіе борьбу художника съ камнемъ; рядомъ—знакомыя коры. Затѣмъ идутъ

залы уже классическаго искусства. Праксителейскій Евбулидъ, нѣсколько головъ работы Скопада—ихъ можно сразу узнать по глубоко посаженнымъ глазамъ съ тѣнью отъ надбровныхъ дугъ; искусство познало грустные мотивы. Здѣсь же находится знаменитая елевсинская стела: Деметра съ Персефоной посылають Триптолема проповѣдывать людямъ земледѣліе. Далѣе находится богатое собраніе памятниковъ эллинистическаго періода. Пути искусства найдены, цѣли достигнуты: художникъ владѣетъ всѣми возможностями и средствами — и искусство изъ патетическаго становится декоративнымъ и символическимъ. Среди залы лежитъ нагая менада. У стѣны улыбается задрапированный Панъ. Чтобы скрыть непріятный переходъ отъ козла къ человѣку, художникъ одѣлъ бога гиматіемъ... Большое впечатлѣніе производитъ слѣдующій залъ, гдѣ собраны надгробія разныхъ эпохъ и мѣстъ. Всюду одно настроеніе, одна мысль о смерти, о разлукѣ съ милою жизнью. Вотъ госпожа въ послѣдній разъ смотреть въ зеркало: ни къ чему уже красота... въ цѣломъ рядѣ стелъ изображены каменные пожатія передъ вѣчной разлукой. Затѣмъ богатое собраніе саркофаговъ, и въ глубинѣ срединнаго зала находится знаменитый бронзовый Гермесъ изъ Антикиоеры, найденный въ морѣ. Остальные залы занимаетъ коллекція античныхъ вазъ.

Прежде чѣмъ отправиться въ путешествіе по Элладѣ, я совершилъ двѣ прогулки по Атикѣ: въ Елевсинъ и на Пентеликонъ черезъ Кефисію.

Елевсинъ.

Съ именемъ Елевсина, священнымъ для древняго грека, связанъ общеизвѣстный мифъ о Деметрѣ и Персефонѣ.

«Въ своемъ наиболѣе глубокомъ смыслѣ, говоритъ Э. Шюре, елевсинскій мифъ представляетъ символически исторію души, ея сходженіе въ матерію, ея страданіе во мракѣ забвенія, а затѣмъ ея вознесеніе и возвратъ къ божественной жизни. Другими словами—это драма грѣхопаденія и искупленія въ эллинской формѣ.» Нѣкоторые же ученые полагають, что Персефона является олицетвореніемъ Весны, что весь мифъ говоритъ о таинствѣ зерна, упавшаго въ землю и снова появившагося весной на поверхности.

Во время больших Елевсиній — праздника въ честь богинь, изъ Аѳинъ по Священной дорогѣ совершалась ночная процессія посвященныхъ. И теперь существуетъ эта *Τερά 'Οδός*, въ точности соотвѣтствующая античной. Послѣдуемъ по ней въ священный городокъ богини. Выбравъ ясный безвѣтренный день, я налегкѣ утромъ вышелъ изъ отеля. Отъ Дипилона начинается Священная дорога. Сначала путника обступаютъ городскіе дома. Ихъ смѣняютъ безковечные ряды оливковъ, превращающихъ бѣлую пыльную дорогу въ тѣнистую аллею. Но уже остались позади и оливки — и дорога идетъ по безводной безлѣсной Атикѣ. Прямо впереди Эгалеискія горы — Скарамангъ и Пойкилонъ. Черезъ какой-нибудь часъ пути по открытой равнинѣ, Священная дорога входитъ, извиваясь, въ горы.

Видъ мѣстности рѣзко мѣняется. То васъ обступаютъ лѣсистыя горы, то вы ныряете въ живописныя долины съ прянымъ запахомъ тиміана. Вскорѣ налѣво показывается куполь стариннаго византійскаго монастыря Дафни, построеннаго въ XI в. на мѣстѣ древняго святилища Аполлона. Послѣ Дафни дорога начинаетъ спускаться къ морю и открывается прекрасный видъ на нѣжно-голубую даль Елевсинскаго залива и Саламинъ. Путь обступаютъ невысокія горы и направо, у подножія одной изъ нихъ, находятся развалины античнаго храма Афродиты. Въ скалѣ видны ниши для культовыхъ статуй; кругомъ разсыпаны остатки фундамента храма...

Въ воздухѣ жарко и душно. Только издали доносится колокольчикъ пасущихся стадъ и жалобный крикъ мула.

Выйдя изъ горъ, Священная дорога спускается къ морю и идетъ вдоль Елевсинской бухты. Направо отъ дороги блестятъ соленыя озера Реты, уровень которыхъ поднять аршина на два искусственной дамбой. Они богаты рыбой и славились ею еще въ древности. Только елевсинскіе жрецы имѣли право ее ловить.

Вдали видны дома бѣднаго албанскаго селенія Левсина. Черезъ часъ пути среди оливковъ я пришелъ въ священный участокъ Елевсина.

Взоръ поражаетъ множество мраморныхъ фундаментовъ, колоннъ, кашителей, пьедесталовъ отъ статуй, разбросанныхъ по всему теменосу.

Аѣинское археологическое общество въ лицѣ археолога Филіоса производило здѣсь раскопки (1882—1895), и передъ нами его результаты¹⁾. Прежде всего вы входите въ Большія Пропилеи, построенныя Адріаномъ по образцу аѣинскихъ. На мраморномъ стилобатѣ еще сохранились остатки 16 іоническихъ колоннъ.

За Большими слѣдуютъ Малыя Пропилеи. И здѣсь уцѣлѣли на мраморной площадкѣ основанія колоннъ; а въ полу до сихъ поръ видны полукруглыя дуги, по которымъ двигались створчатые ворота. Поднявшись, далѣе, по античной, вырубленной въ скалѣ, лѣстничкѣ, вы попадаете въ храмъ Деметры, *τηλεστήριον*. Отъ него уцѣлѣло немного. Сохранились основанія колоннъ изъ пороса, и вырубленные въ скалѣ акрополя, служившей стѣной, скамьи для мистовъ. Здѣсь они сидѣли, ожидая «великаго посвященія». Интересно, что раскопки открыли постройки разныхъ эпохъ. На мѣстѣ, занимаемомъ храмомъ Деметры, былъ открытъ болѣе древній Писистратовскій храмъ. Вблизи него, на вѣкоторой глубинѣ были найдены слѣды микенскихъ построекъ. Внизу-древнѣйшая стѣна, идущая въ опредѣленномъ направленіи; выше — античная, построенная въ иномъ направленіи: какъ будто забыли о древнѣйшихъ постройкахъ. Здѣсь же находятся глубокіе погреба и колодцы. Быть можетъ, въ нихъ разыгрывались подземные акты мистерій? Весь теменось обнесенъ стѣной. (Рис. № 2).

Прогулка на Пентеликонъ.

На сѣверо-востокъ отъ Аѣинъ, выгодно выдѣляясь бѣлымъ поясомъ мрамороломенъ, возвышается горная цѣпь Пентеликонъ. Всклздить на главную вершину Вайяти (1109 м.) можно съ нѣсколькихъ сторонъ. Я выбралъ путь черезъ Кефисію. Селеніе Кефисія соединена съ Аѣинами желѣзной дорогой и представляетъ любимое дачное мѣсто. Здѣсь римскій поэтъ Авлъ Геллій писалъ свои «Noctes Atticae» на виллѣ своего друга Герола Аттика. Широкія улицы-аллеи обсажены платанами, мимозами, олеандрами. Вдоль нихъ текутъ ручейки отъ знаменитаго источника Кефаляри. Нашъ путь лежитъ къ Вайяти.

¹⁾ *Philios, Eleusis, ses mystères, ses ruines et son musée. Athènes 1896.*

Сначала дорога ведет по широкой долине; затѣмъ—по каменистому руслу ручейка и выходитъ на античную дорогу, тщательно проложенную для доставки въ Аѣны мрамора. Почти все храмы Атики построены изъ пентеликонскаго мрамора. Предгорья Вайети покрываетъ чахлый кустарникъ. Дорога начинается замѣтно подниматься и идти по оголенному мрамору. Часа черезъ два пути я пришелъ къ ломкамъ. Всюду глыбы взорваннаго, частью отесаннаго мрамора. Взоръ слѣпить его бѣлизна. А вдали уже начинаютъ

Рис. № 2. Елевсинъ. Большія и Малыя Пропилеи.

открываться горизонты. Чтобы скорѣе достигъ вершины, гдѣ древле стоялъ алтарь Аѣинѣ, а теперь—тригонометрическій сигналъ, я бросилъ дорогу и пошелъ прямо вверхъ. Черезъ полтора часа труднѣйшаго подъема, кое-какъ я достигъ вершины. На ней видны слѣды древняго алтаря богини. Съ вершины открывался поразительный видъ. Благодаря чистому воздуху видны были горы Фокиды. Выше всехъ возвышался свѣговой Парнасъ. На сѣверѣ раскинулась гористая Евбея; восточнѣе, на морскомъ горизонтѣ сѣрѣли очертанія кикладскихъ острововъ. Подо мной, какъ на картѣ, лежала вся

Аттика и Беотія съ ея невмысокими горами. Только на сѣверо-западъ горизонтъ отчасти скрытъ лѣснымъ Парнетомъ, который выше Вайяти.

Между тѣмъ дня оставалось немного. Солнце склонялось къ закату и надо было спѣшить. Но... непредвидѣнный случай едва не разрушилъ мои планы. Спускаясь съ вершины, я остуился и нога застряла въ расщелинѣ. Отъ сильной боли я долженъ былъ сѣсть — и о немедленномъ спускѣ нельзя было и думать. Однако, надо было спѣшить. Кое-какъ, съ величайшимъ трудомъ я началъ небываемый спускъ. Нога скользила, не находя прочной опоры; руки ранили острые камни.

Уже къ ночи я вернулся въ Кефисію, а оттуда въ Аѣны. Поврежденная нога разболѣлась и это должно было отчасти измѣнить планъ пѣшеходнаго путешествія по Элладѣ.

Но, все-таки Средняя Греція до Итѣа почти вся пройдена пѣшкомъ.

Путешествіе по средней Греціи и Пелопоннису.

Эпизодъ съ ногой, поврежденной на Пентеликонѣ, заставилъ слегка измѣнить маршрутъ. Вмѣсто пѣшеходнаго путешествія черезъ Елевсинъ, Киберонъ въ Оивы, пришлось воспользоваться желѣзной дорогой. 29 апрѣля я сѣлъ въ поѣздъ на Оивы.

Вмѣстѣ съ нами ѣхало много солдатъ на театръ военныхъ дѣйствій. Провожаемые родными и близкими, они при отходѣ поѣзда открыли пальбу изъ ружей и револьверовъ.

Черезъ три часа довольно утомительной дороги поѣздъ пришелъ въ Оивы. Небольшое зданіе вокзала съ краснорѣчивою надписью «ΘΗΒΑΙ».

Оивы.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи, за засѣяннымъ полемъ расположены Оивы. Теперь это бѣдный греческій городокъ, насчитывающій три съ половиной тысячи жителей... (Рис. № 3).

«Въ эти мѣста, говоритъ древнее преданіе, пришелъ изъ Финикіи Кадмъ и принесть азбуку и искусство обработки металловъ». Здѣсь ясяте всего видны узы, связывавшія нѣкогда Востокъ съ эллинскимъ міромъ. И самое названіе Оивъ, и легенда объ Эдипѣ

и сфинксы — невольно напоминают Египетъ. И, быть можетъ, правъ проф. Группе, что истоки эллинской культуры на Востоке.

Уже одно мѣстоположеніе Оивы указываетъ на ихъ древнее происхожденіе; какъ Афины, онѣ далеко расположены отъ моря и имѣютъ какъ бы природный, естественный кремль, называемый Кадмеей. Теперешній городъ весь умѣстился на Кадмее; Оивы никогда не оправились отъ разрушенія въ IV вѣкѣ до Р. Хр. великимъ македонскимъ завоевателемъ.

Рис. № 3. Оивы. Видъ отъ вокзала.

Семивратныя Оивы! Уже античная исторія застаётъ ихъ второстепеннымъ греческимъ городомъ. Ихъ расцвѣтъ относится къ легендарнымъ временамъ Орхоменскаго государства, временамъ похода аргонавтовъ. Тогда, говорить то же преданіе, могучій выходецъ изъ Финикіи распространилъ свое господство надъ всей Беотіей, и покорилъ грозныхъ жителей Орхомена.

Правда, въ четвертомъ вѣкѣ до нашей эры, силой генія двухъ личностей, Оивы снова возвысились и даже стали во главѣ эллинскихъ государствъ. Но ихъ гегемонія не была прочной: Пелопидъ и Епаминондъ погибаютъ какъ побѣдители, какъ герои, — и разсы-

палась эфемерная мощь Оивъ... Всегда Оивы тяготѣли къ Востоку—это доказываетъ и ихъ измѣническая по отношенію къ грекамъ политика во время Персидскихъ войнъ, и ихъ связи съ Сузами во время ихъ гегемоніи. И, повидимому, это проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на загадочное негреческое происхожденіе этого города.

Прелестъ Оивъ заключается въ живописной мѣстности, обрамленной панорамой горъ. На югѣ синеватый Кноеронъ, жилище Эринній, священное мѣсто Діонисовскаго культа. Западнѣе возвышается любимый музами Геликонъ, до половины заросшій лѣсомъ. Далѣе столпились дельфійскія горы; надъ ними главенствуетъ снѣговой Парнасъ, жилище свѣтлаго Аполлона.

На сѣверѣ блеститъ Копандское озеро, окруженное горами. О нихъ еще будетъ рѣчь впереди. Тамъ—область древняго Орхоменскаго царства. Восточнѣе раскинулись горы Евбея и аттический Парнетъ, откуда лежалъ путь.

За двѣ драхмы я нашель въ *Ξενοδοχεῖον τοῦ Κάδμου*, гостиницѣ Кадма, комнату—и ночлегъ обезпеченъ. Пока еще свѣтло, пройдемъ по этому интересному городу. Всюду тѣнистыя улицы—аллеи съ много-говорящими названіями: *Ὁδὸς Ἐπικραίνοντος, Πινδαροῦ, Ἀντιγόνης...* Всѣ онѣ обсажены акаціями и платанами; ихъ вѣтки сплелись вверху и въ сумеркахъ здѣсь темно. По обѣимъ сторонамъ улицъ журчатъ потоки ключевой воды—это Кадмъ провелъ ее съ ближайшихъ горъ. Но улица живетъ. Всюду вы встрѣчаете то степенныхъ грековъ въ бѣлыхъ національныхъ фустанеллахъ—юбочкахъ, съ пистолетами у пояса, то красивыхъ загорѣлыхъ подростковъ. Всѣ съ любопытствомъ васъ оглядываютъ и привѣтствуютъ ласковымъ *(ὁ) γεια σου—jassu* (будь здоровъ).

Почти ничего не осталось отъ древнихъ Оивъ, кромѣ мѣстности и названій.

Правда, Археологическое Общество въ 1906 году нашло здѣсь слѣды дворца микенской эпохи, и часть стѣнъ съ приближеннымъ расположеніемъ воротъ.

Въ сѣверной части Кадмеи, у средневѣковой башни, находится музей, гдѣ, кромѣ безчисленнаго множества надгробій, саркофаговъ и разбитыхъ вазъ, интересенъ Херонейскій левъ, недавно перевезенный со своего мѣста. Поставленный въ отдѣльномъ помѣщеніи,

онъ представляетъ внушительное зрѣлище. Вообразите сидящаго льва, высѣченнаго изъ бѣлаго камня вышиной до десятка метровъ.

На третій день я отправился далѣе. Боль въ ногѣ прекратилась и я рѣшилъ пѣшкомъ идти въ Ливадию.

Дорога шла по беотійской низменности, кое-гдѣ прерываемой горными кряжами. Уже къ вечеру, послѣ цѣлаго дня пути почти безъ остановокъ, я входилъ въ Ливадиc, гдѣ древле былъ Трофонскій оракулъ. Почти 40 километровъ отдѣляютъ Эивы отъ Ливади; но ровная, прекрасная дорога (нѣсколько похожая на крымское шоссе) помогла преодолѣть въ одинъ день это разстоянiе.

Городъ Ливадиá имѣетъ 6¹/₂ тысячъ жителей; онъ живописно расположенъ у подножiя скалистаго Лафистiона, увѣнчаннаго руинами средневѣковаго замка. Бурная, стремительная рѣка Геркина течетъ среди города, приводя въ движенiе мельницы и доставляя электрическую энергiю для освѣщенiя. Культурный, чистый городокъ, центръ хлопчатобумажнаго производства средней Греции. Первое, что поражаетъ взоръ—огромное число плѣнныхъ турокъ и греческихъ солдатъ. Чтобы найти гостиницу, я обратился съ просьбой къ первому попавшемуся офицеру, который оказался кѣмъ то въ родѣ полицiймейстера Ливади. Любезно распросилъ онъ меня, кто я, откуда, и очень обрадовался, узнавъ, что я русскiй, „Ρωσσία εἶνε ἡ ἀδελφὴ τῆς Ἑλλάδος“—«Россiя сестра Эллады», сказалъ онъ, дружески пожимая руку. Затѣмъ онъ позвалъ солдата и велѣлъ меня отвести въ гостиницу «Аверовъ».

Привѣтливость и радушiе греческаго населенiя къ иностранцамъ много облегчаетъ путешествiе. До сихъ поръ слово „ξένος“ означаетъ не только чужестранца, но и гостя. И обращаются съ вами, какъ съ гостемъ. Всякiй прохожiй привѣтствуетъ васъ ласковымъ „(ὁ) γεια σου“—«здоровья» или „καλὸ ταξίδι“—«добрый путь!». Въ глуши Греции вы еще встрѣтите пастуховъ и поселянъ, которые живо напоминаютъ знакомыя античныя лица.

На слѣдующее утро, ясное и солнечное, я отправился осмотрѣть столицу Минiйскаго царства—Орхомень. Сначала дорогу обступаютъ невысокiя горы, со слѣдами средневѣковыхъ башенъ. Затѣмъ, перейдя желѣзную дорогу, вы вступаете въ предѣлы бывшаго Копайдскаго озера, теперь почти осушеннаго. То тамъ, то здѣсь

блестять осушительные каналы. Уже издали налѣво видна гора Аконтіонъ и на ней, въ видѣ маленькой точки—орхоменскій акрополь. Вдали, прямо передъ вами дома бѣднаго греческаго селенія Скрипу. Вы—въ предѣлахъ древнаго Копайдскаго озера.

Копайдское озеро и Орхомень¹⁾.

Берега Копайса усеяны загадочными циклопическими постройками, состоящими изъ сложенныхъ каменныхъ глыбъ. Уже древніе забыли объ ихъ строителяхъ и создали легенду о жившихъ здѣсь гигантахъ. Копайдское озеро занимало нѣкогда обширное пространство. Древнее минійское племя, жившее за два или три тысячелѣтія до Р. Хр., пыталось регулировать, какъ египтяне, воды своего озера. Работы по осушенію Копайса, предпринятыя въ 1883 году инженеромъ М. Камбанисомъ, обнаружили три древнихъ канала для отвода воды черезъ подземныя расщелины (катавотры) въ море²⁾. Теперь озеро, въ значительной степени осушенное, окружаетъ весь сѣверо-западъ горы Аконтіона.

Когда вы пройдете деревню Скрипу и съ сѣверной стороны начнете подниматься на акрополь, вы наталкиваетесь прежде всего на раскопанный дворецъ ранней микенской эпохи. Орхоменскія раскопки Шлимана, Дерпфельда и Булле 1903-го и 1905-го года нашли здѣсь пять культурныхъ слоевъ, указывающихъ на нѣсколько бывшихъ здѣсь поселеній. (Рис. № 4).

Возлѣ горы, недалеко отъ монастыря Богородицы была откопана такъ называемая Сокровищница царя Мипіа (τὸ Θησαυροφυλάκιον τοῦ Μιπύου); — круглый *Θόλος* снабженъ помѣщеніемъ для саркофаговъ. Широкій входъ, или „*δρόμος*“, выложенъ большими глыбами мрамора. Отъ сокровищницы къ вершинѣ акрополя идутъ древнія стѣны, опоясывавшія, повидимому, весь городъ. Акрополь, расположенный на склонѣ Аконтіона, сложенъ изъ колоссальныхъ глыбъ. Лѣстница, высѣченная въ скалѣ, ведетъ къ площадкѣ со стѣной прочной и красивой кладки.

¹⁾ Интересенъ альбомъ снимковъ и плановъ съ объяснительнымъ текстомъ составлен. *Bulle. Orchomenes. Die älteren Ansiedelungsschichten.* München 1907.

²⁾ *M. Cambanis. Le desséchement du Lac-Copaïs par les anciens.* Bull. de Corresp. hellen. XVI. 1892, стр. 121; XVII. 1893 стр. 322.

Отсюда очень красивый видъ на Беотію. На востокѣ и западѣ подъ вами блеститъ поросшій тростникомъ Копансъ. Южнѣе—въ воздушной перспективѣ видны Киѳеронъ и Геликонъ. На западѣ цѣпь горъ замыкаетъ снѣговой Парнасъ.

Осмотрѣвъ акрополь, я направился въ сопровожденіи школьниковъ по лѣвому склону Аконтіона; тамъ у озера долженъ находиться знаменитый источникъ харитъ, древняя Акидалія. Не доходя до него я вдругъ увидѣлъ, изумленный, странную картину. На

Рис. № 4. Орхомень (Беотійскій). Видъ на акрополь.

глубинѣ 4—5 сажень, въ проточной водѣ Копанса виднѣются мраморные обломки колоннъ, алтарей; еще нерушимой стоитъ дверь въ это подводное святилище. «Что это такое?» изумленно спросилъ я мальчика-грека. «Ναὸς τῶν Νυμφῶν» — «Храмъ Нимфъ» — отвѣтилъ онъ. Чтобы лучше убѣдиться и разглядѣть этотъ диковинный подводный храмъ, я началъ рискованный спускъ. Вся гора была изрыта странными искусственными отверстиями, какъ будто нѣкогда она вся была одѣта мраморомъ.

Цѣпляясь за нихъ, можно спуститься ниже и, повиснувъ надъ водой, лучше разглядѣть это мѣсто. Что это такое? Залитый храмъ

или такъ устроенный для культа нимфъ? Ни Павсанія, ни Бедекеръ не могли ничего сказать объ этомъ интересномъ святилищѣ.

Спустившись внизъ, мы по плотинѣ сначала достигли источника Акидалии, гдѣ есть нѣкоторые слѣды древняго храма. Затѣмъ по плотинѣ же, кое-гдѣ залитой выступившими водами озера, мы пришли въ деревню Скрипу.

Сама по себѣ, деревня представляетъ мало интереснаго; убогіе крестьянскіе домики, нѣсколько кофеенъ и ресторанъ. Но вниманіе привлекаютъ церкви. Въ Скрипу есть нѣсколько крохотныхъ византійскихъ церквей. Входите. Тишина и полумракъ. Древняя византійская живопись глядитъ со стѣнъ и потолка.

Часовъ въ пять по полудни я покинулъ эти легендарныя мѣста и направился назадъ въ Ливадію. Прямо впереди дороги виденъ Геликонъ, родина музъ. Въ его отрогахъ прячется Ливадія. Часамъ къ девяти я возвратился въ гостиницу «Аверовъ», чтобы на завтра отправиться въ дальнѣйшее странствованіе.

На слѣдующее утро я вышелъ изъ Ливадіи по дорогѣ въ Дельфы. Пустынная, однообразная дорога по горамъ. То вы ныряете въ долину, то снова взбираетесь на отроги сначала Геликона, затѣмъ Парнасса. Пока тянется этотъ монотонный путь—вспомнимъ о священныхъ Дельфахъ, о значеніи ихъ для древняго эллина.

Нѣкогда, говоритъ дельфійская богословская легенда, въ этихъ мѣстахъ обитало грозное чудовище Пиеонъ. Но съ острава Делоса, на пятый день по рожденіи, приходятъ, перелетѣвъ на треножникъ море, свѣтлый Аполлонъ Дельфиніосъ. Чудовище имъ убито, темное начало побѣждено свѣтлымъ; но сребролукій богъ осквернилъ себя убійствомъ—и здѣсь, гдѣ еще тогда было святилище Плутона и оракулъ Гей—здѣсь долженъ былъ принять очищеніе Аполлонъ Дельфиніосъ, и далъ свое имя этому мѣсту: вмѣсто Пиео оно стало называться Дельфами... Между тѣмъ дорога уже шла по пустынному ущелью. Отсюда отвѣтвлялась тропинка на Парнассъ, въ городъ Арахова. На этомъ перекресткѣ, по гречески *суηστή*, Эдипъ по преданію убилъ своего отца. Вокругъ пустынно и мертво. Ни селенія, ни источника. Только мрачныя скалы и валуны. По такой дорогѣ надо пройти нѣсколько часовъ, все вверхъ, по отрогамъ Парнасса. Въ одномъ изъ ущелій высоко бѣлѣетъ могила храбраго

Іоанна Мегасть, уничтожившаго въ 1856 году заѣвшую здѣсь шайку разбойниковъ. Черезъ 9 часовъ пути отъ Ливадіи впервые попадаетея подорожный ресторанъ Земенѳ. Роскошный платанъ оѣняетъ источникъ. Словоохотливый, но суровый на видъ грекъ въ фустанеллѣ (юбочкѣ), съ пистолетами у пояса принесъ сыръ, баранину и кружку парнасскаго вина.

Но не всякій можетъ пить греческое вино, приправленное смолой рициной. Эта любовь грековъ къ рицинату восходить къ византійскимъ временамъ. Еще епископъ Ліутпрандъ, посоль при византійскомъ дворѣ, жалуется на невозможность пить греческое вино, приправленное рициной.

Уже поздно вечеромъ, утомленный, я пришелъ въ горный городокъ Арахова, расположенный подъ самой вершиной Парнасса.

Перенѣчавъ въ гостиницѣ любезнаго Андрея Вевеля, я на слѣдующій день отправился далѣе. Вскорѣ я увидѣлъ мрачное ущелье Федріадъ, въ которомъ находятся Дельфы.

Вдали бѣлѣло зданіе дельфійскаго музея.

Дельфы.

Грозныя, нависшія скалы. Мрачное ущелье, дождливое и туманное. На небольшой площадкѣ, вправо отъ дороги, на косогорѣ Федріадъ лежитъ откопанный французскими археологами священный участокъ Дельфъ. Здѣсь, изъ скалистой расѣлины вырывались сѣрныя пары, одуряющіе сознаніе. Пивоія, сидѣвшая надъ парами, бормотала безсвязныя слова—и древніе видѣли въ этомъ божественный голосъ. И неудивительно: здѣсь, въ этомъ мрачномъ ущельи, гдѣ со всѣхъ сторонъ надвинулись скалы, гдѣ почти всегда идетъ дождь или оѣдаетъ облако—здѣсь, дѣйствительно, душа человѣка явственнѣй чувствовала присутствіе божества. Эта стихійность и величественность природы Дельфъ рѣзко отличаетъ ихъ отъ другихъ мѣстностей Греціи. Нѣкоторую параллель представляетъ Дарьяльское ущелье на Кавказѣ: и тамъ и здѣсь мрачность природы соединяется съ грандіозностью и величественностью.

И вотъ здѣсь, гдѣ, казалось, яснѣе слышенъ голосъ божественныхъ откровеній, здѣсь съ незапамятныхъ временъ уже существовало

святилище. Согласно мѣоу, о которомъ мы уже говорили, Аполлонъ убилъ грозное, мрачное чудовище, жившее въ Федріадахъ. Въмѣсто Пивона здѣсь воцарился свѣтлый богъ. Совѣтъ амфиктіоновъ, завѣдывавшій святилищемъ, еще въ древности постановилъ праздновать въ память этого событія Пивѣйскія игры. На протяженіи всей античной исторіи Дельфы играютъ видную роль, какъ посредникъ и объединитель греческихъ государствъ. Только въ IV в. по Р. Хр. Феодосій Великій положилъ конецъ культу Аполлона. Опустѣло оставленное святилище, а нарастающая земля скрыла его отъ хищныхъ взоровъ. Только въ XIX вѣкѣ ученые принялись за раскопку Дельфъ. Трудность этого предпріятія увеличивалась еще тѣмъ, что на мѣстѣ теменоса стояла греческая деревня Кастри. Но въ дѣло вмѣшалось французское правительство, ассигновавшее 2 милліона франковъ. Домъ за домомъ была скуплена вся деревня и построена въ другомъ мѣстѣ, немного отступя къ западу. Только тогда французскіе археологи (Вешеръ, Фукаръ, Госсулье) могли приступить къ раскопкамъ священнаго участка.

Теперь Дельфы совершенно откопаны, и каждый можетъ по фундаментамъ и др. остаткамъ провѣрить описаніе «Бедекера древности» — Павсаніа, посѣтившаго Дельфы во II вѣкѣ нашей эры.

Весь теменосъ обнесенъ стѣной. Въ юго восточномъ углу находятся главные ворота, отъ которыхъ къ главному храму Дельфъ — святилищу Аполлона Савроктонъ ведетъ широкая *Ἱερά Ὁδός* — священная дорога, выложенная огромными каменными плитами.

Сначала, до перваго поворота, дорога идетъ мимо сокровищницы греческихъ государствъ, дошедшихъ только въ фундаментахъ, и мимо даровъ — посвященій аргивянъ. Всюду видны ниши и pedestals отъ увезенныхъ или разбитыхъ статуй. Въ Дельфахъ, по среднему подсчету, было 3500 статуй! Возлѣ сокровищницы аоніянъ — единственной, почти цѣликомъ реставрированной, дорога дѣлаетъ поворотъ и идетъ направо вверхъ. Всюду масса разбитыхъ колоннъ, открытыхъ фундаментовъ, поросшихъ чахлой травой. Все это производитъ неизгладимое впечатлѣніе; надо припятъ во вниманіе, что надъ всѣми этими руинами, этимъ бѣлымъ мраморомъ нависаютъ сѣрые, мрачныя Федріады. Священная дорога подходитъ вплотную къ террасѣ, на которой стоитъ храмъ Аполлона. Къ этой террасѣ, сложенной

полигонально из каменных глыб, примыкает хорошо сохранившийся портик афинянъ. Еще можно прочесть посвященіе богу, начертанное гигантскими архаическими буквами.

Дорога все время идетъ вверхъ. Обогнувъ первую терассу, она идетъ параллельно съ нею и достигаетъ высоты святилища Аполлона. Возлѣ храма, не доходя до него, на глыбѣ пороса можно прочесть посвященіе хіосцевъ: ΧΙΟΙ ΑΠΟΔΑΩΝΙ ΤΟΝ ΒΟΜΟΝ — здѣсь нѣкогда стоялъ жертвенникъ Аполлону. На другой сторонѣ дороги,

Рис. № 5. Дельфы. Священная дорога.

среди хаоса фундаментовъ ясно видно круглое подножіе памятника Платейской битвы, — часть котораго теперь стоитъ въ Константинополѣ, на Ипподромѣ. Памятникъ представлялъ змѣевидную колонну, наверху которой стоялъ треножникъ. «Послѣ платейской побѣды, говоритъ Геродотъ, (IX, 81) эллины отдѣлили десятую часть для дельфійскаго божества и на нее пожертвованъ былъ золотой треножникъ, тотъ, который стоитъ на трехголовой мѣдной змѣѣ очень близко къ жертвеннику». (Рис. № 5).

Обогнувъ жертвенникъ хіосцевъ, Священная дорога приводитъ къ храму Аполлона, центру всего теменоса. По своему положенію

и величинѣ онъ превосходитъ всѣ остальные зданія священнаго участка. Храмъ былъ построенъ въ VI вѣкѣ до нашей эры и имѣлъ 6×15 дорическихъ колоннъ. Въ центрѣ святилища находился знаменитый срединный камень *Omphalos*. Однажды, говорить мнѣ, отецъ боговъ и людей захотѣлъ узнать центръ земли. Для этого съ ея крайнихъ предѣловъ (видъ земли, думали древніе, вытянутый кругъ, обтекаемый Океаномъ) онъ пустилъ двухъ орловъ, которые прилетѣли одновременно въ Дельфы къ этому камню. Здѣсь сердце міра... Западная часть храма, такъ назыв. адитонъ, заключала то святая святыхъ, гдѣ изъ расщелины вырывались сѣрные пары.

Выше храма откопанъ театръ, слегка напоминающій афинскій. Кромѣ того, на священномъ участкѣ открыто множество фундаментовъ зданій, назначеніе которыхъ не всегда можно установить съ достовѣрностью.

Осмотрѣвъ теменось, я вышелъ черезъ тѣ же главные ворота и пошелъ въ цѣлый лабиринтъ откопанныхъ построекъ, дворовъ и погребовъ. Ходить здѣсь не безопасно: того и гляди упадешь въ подземелье, которыхъ здѣсь немало. Кое-какъ по тропинкѣ я выбрался на дорогу и направился въ ущелье, откуда течетъ знаменитый Кастальскій ключъ.

Со всѣхъ сторонъ скалы. Небо сдѣлалось еще болѣе хмурымъ и началъ моросить дождь. Внизу, въ глубинѣ ущелья красиво застряло облако. Возлѣ крохотной каплички св. Іоанна находится Касталія. До сихъ поръ струится холодная влага, нѣкогда очищавшая приходившихъ къ Аполлону. Если пройти вдоль ручейка, текущаго изъ ущелья, то направо замѣтны вырубленные въ скалѣ ниши, а подъ ними,—остатки древняго бассейна, до сихъ поръ полного воды. Именно здѣсь, по преданію, принималъ очищеніе убійца Писона и здѣсь же очищались приходившіе къ богу...

По дорогѣ, которую указываетъ тотъ же ручеекъ, я направился въ узкое мрачное ущелье, гдѣ обиталъ Писонъ. Метра два шириной, оно идетъ далеко вглубь; кое-гдѣ видны слѣды лѣстнички, вырубленной въ скалѣ. Наверху чернѣютъ чахлая сосенки, окутанныя легкимъ облакомъ. Оно спустится скоро и сюда...

Недалеко отъ Касталіи расположенъ священный участокъ—Мармаріа. Здѣсь находится нѣсколько древнихъ святилищъ, посвященныхъ мѣстной Аѳинѣ.

Вблизи раскопок находится небольшой музей. Здѣсь хранятся всѣ находки, представляющія наибольшую цѣнность. Среди нихъ нельзя не отмѣтить бронзового возницу — даръ Полизола, побѣдившаго на играхъ ¹⁾. Здѣсь же хранится алтарь Аполлона, Срединный камень и мн. др.

Въ Кастри, въ пансіонѣ любезнаго Параскева я прожилъ два дня. На третій я собрался въ дальнѣйшій путь. Мнѣ предстояло пересѣчь знаменитую въ древности по Священнымъ войнамъ Крисейскую долину и прійти въ приморскій городокъ Итеа къ приходу парохода на Патры. Сначала дорога вьется по склонамъ Федриадъ, мимо мѣстъ, гдѣ стояли нѣкогда цвѣтущіе города. Куча безформенныхъ камней указываетъ на мѣстоположеніе города Дельфы. Дорога, далѣе, идетъ черезъ цвѣтущую деревню Хрисо, расположенную на развалинахъ древней Криссы. Затѣмъ ровная тѣнистая дорога идетъ по Крисейской долинѣ, мимо оливковыхъ деревьевъ. Долина окаймлена горами, а сверху ярко и привѣтно свѣтитъ теплое южное солнце. Темная и мрачная обитель Аполлона осталась позади...

Итеа, куда я пришелъ, черезъ 3 часа — маленькій приморскій городокъ. Широкія улицы — дороги. Одноэтажные дома. А за ними синѣетъ Коринѣскій заливъ, окаймленный снѣговыми горами Пелопонниса. Къ вечеру пришелъ небольшой греческій пароходъ, къ ночи доставившій меня въ Патры. Долго любовался я съ моря красивымъ снѣговымъ Парнассомъ, пріютившемъ у себя мрачныя Дельфы.

Пелопоннисъ.

Патры.

Только поздно вечеромъ сверкнулъ вдали Патрасскій маякъ. Была свѣтлая прохладная ночь. До горизонта бѣжала въ море лунная дорожка и какъ-то фосфорически блестяль снѣгъ на прибрежныхъ горахъ. Часамъ къ одиннадцати вечера мы увидали огоньки Патръ и вскорѣ уже входили въ гавань. Патры второй городъ послѣ Аѣинъ и очень живописенъ на фонѣ снѣговыхъ горъ.

¹⁾ Принадлежность дара этому имени — не вполне достоверна.

Гостепріимный Параскева, у котораго я жилъ въ Кастри снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ своему другу, содержанию патрасской гостиницы Hotel de l'Angleterre.

Здѣсь меня приняли какъ знакомаго, съ чисто эллинскимъ радушіемъ. Патры насчитываютъ 40.000 жителей и имѣютъ видъ небольшого, но довольно чистаго, приморского городка. Тѣ же безчисленныя кофейни и кондитерскія, къ которымъ такъ привыкъ глазъ въ Афинахъ.

Особенно живописенъ моль, съ котораго открывается морской горизонтъ Коринѣскаго залива. На слѣдующее утро съ раннимъ поѣздомъ я выѣхалъ въ Олимпію. Шестъ часовъ пути проходитъ незамѣтно. Поѣздъ мчится по сочнымъ, живописнымъ лугамъ Ахайи, оканчивающимся на югѣ снѣговымъ Эрманоомъ. За Ахайей начинается Элида. Всюду растительность и холмистыя невысокія горы. Часовъ въ одиннадцать утра поѣздъ подходит къ станціи «Олимпія».

Олимпія.

Какая разница съ Дельфами! Ни горъ, ни ущелій,—мягкій пасторальный ландшафтъ. Долина Алфея и Кладея, въ которой находится Олимпія, ограничена цѣпью невысокихъ горъ, большей частью поросшихъ кустарникомъ. И здѣсь, среди высокихъ и развѣсистыхъ пинній находятся развалины храмовъ, палестръ, гимнасій. Еще не все откопано — и получается впечатлѣніе, что земля рождаетъ стѣны, выходящія изъ слоя почвы, нанесенной Алфеемъ. Дѣло въ томъ, что съ торжествомъ христіанства Олимпія была забыта, землетрясеніе разрушило храмы, а Алфей, измѣнившій свое обычное русло, сталъ заносить иломъ священный теменось. И только въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія (1875—1881) нѣмецкой ученой экспедиціей были произведены раскопки, увѣнчавшія блестящими результатами для науки: были открыты фундаменты всѣхъ олимпійскихъ зданій, множество памятниковъ искусства, надписей и проч.¹⁾ Все это находилось почти на двухсаженной глубинѣ!

¹⁾ См. изданіе *Куртуса «Олимпія»*; Luckenbach, Olympia u. Delphi — München u. Berlin 1904; Ch. Diehl, Excursions archeol. en Grèce, стр. 203 сл.

Олимпія знаменита своими празднествами въ честь Зевса и нѣкоторыхъ мѣстныхъ героевъ — Геракла и Пелопса. Празднества, происходившія черезъ четыре года, сопровождались играми, побѣда на которыхъ считалась величайшею честью для эллина. Установилъ эти состязанія, говорить преданіе, идейскій Гераклъ. Другое преданіе связываетъ установленіе игръ съ именемъ Пелопса. Нѣкогда, говорить мифъ, здѣсь жилъ грозный царь Ойномай, имѣвшій дочь Гипподамію. Домогавшимся руки его дочери онъ предлагалъ конное состязаніе съ собой; съ побѣдой получить счастливый руку невѣсты. Но обычно, во время пути Ойномай сбрасывалъ жениховъ въ пропасть. Однажды къ нему пришелъ юноша Пелопсъ, прося руки Гипподаміи. Ойномай предложилъ то же условіе; герой согласился, но... самъ Ойномай сброшенъ въ пропасть подкупленнымъ возницей. Гипподамія сдѣлалась женой побѣдителя, а съ тѣхъ поръ, гласитъ легенда, было установлено почитаніе Пелопса, какъ прообраза олимпійскихъ побѣдителей.

Изъ отеля, гдѣ я поселился, узкая дорожка ведетъ мимо музея черезъ поле къ священному участку. По легкому деревянному мостику переходите Кладей, почти высохшій. Налѣво чернѣтъ поросшій пинніями холмъ Кроноса. Подъ нимъ находятся раскопки. Вниманіе разсѣивается огромнымъ количествомъ фундаментовъ, разбитыхъ на части колоннъ, пьедесталовъ и обломковъ статуй.

Священный округъ вмѣщалъ въ себѣ три главныхъ святилища: Зевса, Геры и Матери боговъ. Внѣ теменоса, огражденнаго стѣной и портиками, находится множество откопанныхъ зданій, какъ на примѣръ Булевтерій, Леонидеснъ, Палестра и Гимнасій. Тамъ и сямъ разбросаны длинные портики.

Обозрѣвая раскопки, остановимся на двухъ наиболѣе замѣчательныхъ памятникахъ Олимпіи — храмѣ Зевса и Геры.

Храмъ Зевса Олимпійца дошелъ до насъ въ разрушенномъ состояніи. Сохранился огромный фундаментъ изъ пороса, а рядомъ лежать въ безпорядкѣ поверженныя, разбитыя колонны, сваленныя землетрясеніемъ. Жутко смотрѣть на зрѣлище стихійной силы. Огромныя дорическія колонны распались на барабаны, далеко откатившіеся отъ храма. Среди нихъ поросла трава и чахлый кустарникъ. Самъ храмъ по своей величинѣ занимаетъ первое мѣсто

въ священномъ участкѣ. Построенный въ V в. до Р. Хр. онъ имѣлъ 6×13 дорическихъ колоннъ. Внутри стояла знаменитая статуя Зевса изъ золота и слоновой кости работы Фиди.

Сѣвернѣ Зевсова храма у холма Кроноса находится Гѣрайонъ. Весь заросшій пиніями, онъ очень красивъ сочетаніемъ деревьевъ съ темнымъ поросомъ, изъ котораго воздвигнуто святилище. Въ Олимпіи вы почти не встрѣтите мрамора; такъ какъ храмы, почти всегда штукатурились и всегда раскрашивались, то не важно было, изъ какого матеріала они созидались. Если не было подъ руками мрамора, пользовались болѣе грубымъ камнемъ — поросомъ. Такъ было и здѣсь. И это обстоятельство придаетъ олимпійскимъ развалинамъ особый оттѣнокъ: мрачные, сѣрые, почти черные камни въ тѣни развѣсистыхъ пиній — картина, неизгладимо остающаяся въ памяти. Святилище Геры считается однимъ изъ древнѣйшихъ греческихъ храмовъ и это доказываетъ одинъ домыселъ археолога Дерифельда.

Дѣло въ томъ, что въ этомъ храмѣ изъ кусковъ можно воссоздать только нижнюю часть. Выше извѣстнаго уровня и целла и колонны какъ бы обрѣзаны — и нигдѣ нѣтъ недостающихъ частей. А слой зеленоватой глины, покрывавшій внутренность храма, наводитъ на мысль, что верхняя часть его была сдѣлана изъ необожженной глины, размякшей въ послѣдствіи отъ дождей. Кромѣ того, колонны, окружавшія храмъ, неодинаковой величины. И это обстоятельство, по свидѣтельству Павсаніи, говоритъ о древности храма: первыя колонны были изъ дерева и по мѣрѣ сгниванія замѣнялись каменными; замѣна происходила въ разныя эпохи, отсюда и разница въ колоннахъ.

Между храмомъ Зевса и Геры откопанъ изящный круглый храмъ іоническаго стиля. Въ противовѣсъ чернымъ развалинамъ Зевсова храма и Герайона Филиппіонъ, — такъ называется этотъ памятникъ, радуется взоръ бѣлизной мрамора. Его выстроилъ Филиппъ II Македонскій въ память побѣды при Херонѣ (IV в. до Р. Хр.).

Это — памятникъ гибели греческой свободы.

Весь священный участокъ устланъ фундаментами древнихъ святилищъ и сокровищницъ. Но осмотрѣ ихъ, я по пути зашелъ въ музей. Здѣсь собраны всѣ предметы, найденные при раскопкахъ.

Благодаря илу Алфея, упавшіе фронтоны храма Зевса не разбились окончательно и, возсозданные, помѣщены въ главномъ залѣ музея. На восточномъ фронтонѣ представлена сцена договора Ойномая съ Пелопсомъ, моментъ ихъ клятвы. По обѣ стороны центральной фигуры Зевса стоятъ кланущіеся. За ними—прекрасная Гипподамія и ея мать. Уже готовы колесницы для состязанія и возлѣ каждой возницы. И въ этомъ каменномъ молчаніи пяти обособленныхъ вертикалей есть что-то въ высшей степени трагическое. Каждый изъ нихъ занятъ собственными мыслями. Художникъ съумѣлъ изобразить это неумовимое настроеніе. Мы чувствуемъ, что участь одного изъ нихъ рѣшена. На западномъ фронтонѣ представлена битва кентавровъ съ лапидами. Лапиды на свою свадьбу пригласили кентавровъ. Пьяные они напали на певѣсть лапидовъ. Завязалась борьба, въ которую вмѣшались женихи. Этотъ моментъ и представилъ художникъ. Отъ всей композиціи вѣетъ необычайной силой. Посреди дерущихся спокойно стоитъ центральная фигура Аполлона.

Черезъ главный залъ проходите въ меньшій и передъ вами Гермесъ Праксителя. Изваянный изъ желтоватаго, чуть-чуть золотистаго мрамора, богъ держитъ на рукахъ крохотнаго Діониса и силится забавлять ребенка. На губахъ Гермеса лежитъ снисходительная улыбка, — а Діонисъ тянется рученками къ виноградной лозѣ.

Осмотрѣвъ музей, я уѣхалъ изъ Олимпіи черезъ Патры, Коринѳъ, Мегару въ Аѣны.

Огдохнувъ нѣсколькой дней, я собрался въ обратный путь — въ Россію. Сначала я предполагалъ уѣхать на пароходѣ «Сенегаль» компаніи Messageries Maritimes. Но финансовыя осложненія заставили отложить отѣздъ. И это было къ лучшему. Пароходъ «Сенегаль» наскочилъ въ Смирнскомъ заливѣ на турецкую мину и взорвался.

Черезъ три дня, благодаря любезности аѣнскаго профессора г. Адамантин Адамандіу, денежный инцидентъ былъ улаженъ, и я сѣлъ на русскій пароходъ «Аѣонъ». Но при мнѣ въ Смирнѣ случился эпизодъ, едва не стоившій намъ жизни.

Изъ Пирея мы выѣхали вечеромъ. На утро, во время завтрака, я услышалъ про гибель «Сенегала» и, желая узнать поближе, вышелъ

на палубу. Мы находились въ Смирнскомъ заливѣ. Направо, возлѣ французскаго броненосца, лежалъ въ водѣ разбитый «Сенегаль». Мина ударила въ носъ и развернула бортъ метровъ на 10. Въ это время навстрѣчу намъ показался небольшой пароходъ подъ американскимъ флагомъ, шедшій изъ Смирны. Пароходъ взялъ слегка вправо, давая мѣсто нашему огромному судну. Но не успѣлъ онъ отъ насъ отойти и десяти саженой, какъ мы услышали глухой взрывъ, столбъ дыма, досокъ и людей, взметенныхъ на большую высоту, пароходъ на нашихъ глазахъ раскололся и черезъ двѣ или три минуты исчезъ подъ водою. Мы не успѣли опомниться, броситься на помощь. Тѣ, кто не былъ убитъ или оглушенъ взрывомъ, нашли гибель въ волнахъ. При этой катастрофѣ, какъ мы узнали послѣ, погибло 98 человѣкъ! Правда, около 70 человѣкъ подобралъ французскій броненосецъ—но въ какомъ состояніи! Контуженные силой взрыва, частью съ оторванными частями тѣла, почти всѣ калѣки.

Картина гибели усиливалась тѣмъ, что на берегу еще находились родные и друзья, провожавшіе погибшихъ; на ихъ глазахъ произошла катастрофа.

Потрясенные присшедшимъ, мы полнымъ ходомъ направились въ Смирну и здѣсь узнали другую новость: мы спаслись только чудомъ. Оказывается и «Сенегаль», погибшій три дня назадъ, и «Невада», погибшая на нашихъ глазахъ, явились жертвами турецкой небрежности. Восемь минъ сорвалось съ якорей и плавали по заливу. На нихъ наткнулись оба парохода. Вслѣдствіе этого, Смирна была объявлена временно закрытой для входа и выхода судовъ, пока турки не очистятъ проходъ. Четыре дня простояли мы арестованными. Пользуясь этимъ, я болѣе подробно смогъ осмотрѣть городъ.

Смирна—одинъ изъ красивѣйшихъ уголковъ Востока. Подъѣзжая съ моря, вы видите на фонѣ далекихъ горъ живописно раскинувшійся городъ, увѣнчанный вверху развалинами древняго акрополя.

Узкія кривыя улицы, иногда сплошь перекрытыя крышей. Множество ковровыхъ магазиновъ. Что-то сказочное есть въ созерцаніи тысячъ показываемыхъ тканей и ковровъ. Смирна торговый центръ Востока и славится именно коврами. По набережной тянется конный трамвай, привозящій васъ къ горѣ, гдѣ расположено мусульманское кладбище. Оно очень красиво, обсаженное кипарисами и

платанами. Отсюда прекрасный видъ на расположенный внизу городъ, на широкій смирскій рейдъ. Заливъ замыкають мощные горные кряжи. Направо на горизонтѣ легендарный Сипиль. Съ нимъ связано имя царицы Ніобы. Мнѣ передаетъ, какъ дочь малоазійскаго царя Тантала, еиванская царица Ніоба возгордилась своимъ смертнымъ счастьемъ и разогнала еиванокъ, хотѣвшихъ принести жертвы Латонѣ. Чѣмъ хуже Ніоба Латоны? Не четырнадцать ли дѣтей у нея, тогда какъ у богини только двое? Но разгнѣванная Латона велитъ этимъ двоимъ—Аполлону и Артемидѣ—наказать гордую царицу. Безжалостныя стрѣлы безсмертныхъ губятъ одного за другимъ цвѣтущихъ сыновей и дочерей Ніобы. И сама царица, не выдержавъ горя, превращается въ камень—и боги переносятъ ее сюда, на родимый Сипиль. Здѣсь родина такихъ жестокихъ сказаній.

Подъ горою внизу Смирна. Изъ массы домовъ тамъ и здѣсь высится стройный минаретъ съ полумѣсяцемъ.

И долго бродилъ я по этому прелестному, экзотическому уголку Востока, гдѣ все ново, все заманчиво непривычному глазу.

Только на четвертый день къ вечеру было получено разрѣшеніе плыть дальше. Съ большою осторожностью шелъ пароходъ по опаснымъ мѣстамъ. Подъ водою были видны останки взорванной «Невады». Она погибла въ безопасномъ фарватерѣ, впереди буйковъ, обозначающихъ мины. Черезъ три дня плаванія мы уже подходили къ Одессѣ, гдѣ распространился было слухъ о гибели «Аеона».

Въ началѣ іюня я былъ уже въ Харьковѣ.

Заканчивая описаніе моего путешествія, спѣшу выразить глубокую признательность и благодарность профессору Θεодору Ивановичу Шмиту, много облегчившему мой путь. Какъ знатокъ Греціи, онъ предложилъ маршрутъ данной поѣздки, далъ много чрезвычайно цѣнныхъ совѣтовъ и снабдилъ письмомъ къ вышеупомянутому г. Адамандіу.

Константинъ Гриневичъ.
